УДК 130.2:316.323.72(47+57)+331.101.3:323.215(47+57)
DOI: 10.26456/vtphilos/2026.2.154

Семиотика советской семейно-трудовой обрядности[1]

В.Ю. Лебедев*, А.М. Прилуцкий**

*ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», Тверь
**ФГБОУ ВО «Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена», г. С.-Петербург

Статья посвящена исследованию советской трудовой обрядности, представляющей собой систему символов и ритуалов, направленных на формирование позитивного отношения к труду в обществе. Авторы рассматривают процесс формирования советской трудовой обрядности, учитывая ее идеологическую направленность и использование трудовых ритуалов при решении задач экономического развития Советского Союза. Описываются различные виды трудовых обрядов, такие как посвящение в профессию, праздничные мероприятия, профессиональные праздники и чествования ветеранов. Особое внимание уделяется советской ритуализации труда, которая была призвана укрепить социальную солидарность трудящихся и способствовать повышению эффективности производства. Анализируются специфические аспекты трудовой обрядности, такие как семиотическое шельмование нарушителей трудовой дисциплины, тунеядцев и т. д. Исследование выполнено в рамках семио-герменевтического подхода к изучению явлений ритуализированной культуры.

Ключевые слова*: семиотика обряда, семиотика праздника, трудовая деятельность, советская идеология, трудовые ритуалы.*

Трудовая деятельность как таковая – явление экстрасемиотическое, но в контексте различных социумов и культур обретает те или иные семиотические черты и облики. Частотный вариант интерпретации труда – сакрализация, включая и авраамическую модель, когда труд становится тяжелой обязанностью, но его божественное санкционирование призывает к послушному и тщательному совершению. Именно на этом материале формируется и знаменитая социология труда М. Вебера.Концепт труда вошел в состав новой гражданской религии, сконструированной во время Французской революции 1789–1794 гг., отчасти соединявшей образы труда с сентименталистским и активно становящимся романтическим дискурсом нового «идиллического пейзанства» (старым в этом контексте выступает «пастушеская эстетика» рококо, при этом жанр пастушеских сцен, часто с участниками в дорогих костюмах, сохранился и в

[1] Исследование выполнено за счет внутреннего гранта РГПУ им. А.И. Герцена 85 ВГ

© Лебедев В.Ю.,
Прилуцкий А.М., 2026

дальнейшем, в частности, в виде малой бытовой скульптуры, хотя вестиментарный код и был несколько упрощен, дабы не смущать новые аскетические идеалы) [2;7]. Атеизация жизненного мира, которую можно рассматривать как радикальный вариант веберовского «расколдовывания», снимает все трансцендентные санкции, оставляя человека наедине с другими людьми, что может обернуться нарастанием мотивационного вакуума (не случайно, например, последователи Э. Ильенкова педалировали его утверждение о том, что тяжел и неприятен только отчужденный труд – дальнейшее понятно и предсказуемо), если такая новая система авторитетов не будет воспринята всерьез.Видятся следующие основные пути избежать тормозящих последствий радикального расколдовывания. Во-первых, это создание новых концепций научной регуляции труда. Сюда можно отнести тектологию А. Богданова и НОТ П. Керженцева. Второй путь – создание и введение в практику ритуалов, в том числе омонимичных по отношению к ритуалам религиозного благословения и освящения труда и структурных элементов трудовой деятельности. Только лишь прагматической мотивации (без труда не будет жизненных благ, начиная с простейших) оказывается недостаточно. Ритуал же, особенно воспринимаемый как важный, способен дать аксиологический эффект, когда труд становится ценностью; ценностная же мотивация, будучи сформирована, оказывается устойчивой и действующей автономно, то есть без необходимого постоянного контроля.

Труд необходимо: декретировать как обязательный и всеобщий;-благословлять, освящать;делать эстетически привлекательным.

Ритуальная семиотика призвана решать эти три задачи. Ритуализация позволяла сократить усилия на пространные рационально-дискурсивные объяснения. Изменения социальной организации требовали и семиотических перемен, однако они носили разный характер и разную степень радикализма [11]. Массовость требовала обращения к накопленному культурой опыту театрализованных действ [8].

Особую роль в формировании образа советского труженика, героя труда, победителя социалистического соревнования, достигшего значительных результатов трудовой деятельности (перевыполнение плана) и показавшего ответственное отношение к труду, играла активно формирующаяся начиная с 30-х гг. XX века и далее фактически на протяжении всей последующей истории СССР трудовая обрядность. Формирование советской трудовой обрядности преследовало как идеологические, так и сугубо экономические цели. Если с точки зрения советской идеологии трудовая обрядность семиотически фундировала целенаправленно создающийся «культ труда», формируя особый символический ряд, при помощи которого транслировалось идеологическое содержание – утверждение символических форм существования трудового государства, противостоящего империалистическим странам, с извращением, помимо

прочего, и трудовой деятельности, то с экономической точки зрения трудовая обрядность была направлена на популяризацию ответственного отношения к труду, что должно было способствовать повышению его эффективности и производительности. Идеологическая направленность советской семейно-трудовой обрядности предполагала прежде всего выполнение обрядом воспитательно-идеологической функции: «Обрядовая сторона социалистических трудовых традиций оказывает наиболее сильное эмоциональное воздействие на человека в момент оформления существенных изменений в его производственной деятельности. Получение специальности, прием в ряды рабочего класса или колхозного крестьянства, закрепление за молодым рабочим первого в его жизни станка, машины, рабочего места, первая получка – эти и подобные им моменты трудовой жизни должны иметь эмоционально яркое обрядовое оформление, чтобы человек глубоко пережил значение происшедшего с ним изменения. С помощью обряда можно придать мыслям и чувствам впервые включившегося в производственную деятельность молодого человека такое направление, которое максимально отвечает требованиям социализма» [9, с. 210].

Эта прагматическая двойственность советской трудовой обрядности сохранялась на структурном уровне все время существования Советского Союза. Любое покушение на труд, отрицание или профанация трудового процесса (начиная с банального нарушения трудовой дисциплины или тунеядства) обычно блокировалось еще и потому, что влекло за собой покушение на ценность, способную дезорганизовать коллектив – центральный элемент новой гражданской религии; труд воспринимался как один из интегрирующих социальных механизмов. Не случайно в семантическом поле советской трудовой обрядности присутствует военная лексика, ресемантизированная применительно к трудовой семиосфере, – «борьба за план», «битва за урожай», «трудовые победы» и т. д.Обряд посвящения в рабочие не случайно часто определялся как «посвящение в армию труда» [6, с.45]. Семиотическим центром этого обряда была «клятва у знамени», которая предполагала произнесение посвящаемыми следующего текста: «Вступая в ряды рабочего класса, клянемся: отдать свои силы и энергию на благо нашей Советской Родины; беречь честь трудового коллектива как свою честь; жить по принципу: «Каждый за всех – все за одного»; выполнять завет великого Ленина: учиться коммунизму, трудиться и жить по законам рабочей чести; с честью пронести по жизни трудовую эстафету отцов; как зеницей ока дорожить высоким званием советского рабочего – строителя коммунизма! Клянемся! Клянемся! Клянемся!» [Ibid]. Принципиальным было уравнивание в пространстве культуры повседневности боевой и трудовой доблести как равно необходимых условий существования советского государства, в то время как на уровне бытового восприятия военный подвиг всегда стоял

выше трудового. Интересно, что на уровне семиотики известная лозунговая цепочка «мир–труд–май» включает концепт «труд» в семантическое поле «мир», что соответствовало саморепрезентации развитого СССР как государства миролюбивого и трудолюбивого. При этом советское миролюбие предполагало, что герменевтический горизонт боевого героизма достаточно узок, последний как явление существует лишь в условиях справедливой, освободительной войны или интернациональной помощи иным государствам, тогда как для трудового подвига не требуется никаких специальных внешних условий, он становится проявлением сознательности и ответственности (важных концептов культуры).

В итоге сформировалось несколько пластов советской трудовой обрядности:

1. Обряды посвящения в профессию, которые могли быть приурочены к завершению обучения-подготовки или к началу собственно трудовой деятельности, поступлению на работу (посвящение в рабочих, посвящение в земледельцы, но далеко не только, на момент 1980-х существовал, например, ритуал посвящения в библиотекари; врачебная присяга была традиционной, ее аналогом стала присяга, приносимая получившим провизорско-фармацевтическую квалификацию[2]).
2. Трудовые праздники – «праздник Серпа и Молота», праздник урожая, включающие чествования передовиков.
3. Профессиональные праздники, довольно многочисленные, с появлением повторяющихся канонизированных деталей, напр., в День железнодорожника по радио транслировалась «Дорожная» в исполнении Г. Виноградова, при том, что по ряду причин популярность певца в 1960-е –70-е гг. сильно снизилась.
4. Чествования ветеранов (не обязательно имевших официально присвоенное звание; это могли быть юбилеи ударников и передовиков).

При этом ритуалогемы советской трудовой обрядности в том или ином виде были представлены практически во всех советских обрядах, так, например, рекомендации по проведению «новых обрядов» предполагали произнесение тостов за ветеранов и передовиков во всех случаях участия последних в праздничных застольях, приуроченных к календарным праздникам, свадьбам, о трудовых заслугах умершего рекомендовалось говорить на траурных мероприятиях и т. д. Так, например, во время свадебного застолья «распорядитель обряда предлагает тост за тружеников колхозных и совхозных полей, за тех, кто выращивает хлеб, частица которого и в сегодняшнем свадебном каравае, за нерушимый союз Серпа и Молота» [3, с. 168–184]. Методические рекомендации по проведению «новых обрядов» предлагали приурочить «к новогоднему празднику

[2] Подчас эта клятва облекалась в формы театрализованного действа, например, с участием актеров, изображающих Гиппократа, и т. п.

День героев труда – чествование колхозников-орденоносцев и медалистов, ударников коммунистического труда, всех тех, кто особенно хорошо потрудился в уходящем году. Их портреты, любовно украшенные хвоей и разноцветными флажками, входят в праздничное оформление сельского Дома культуры» [6, с. 153–154]. Торжественные ритуалы должны были блокировать безответственное и несознательное отношение к труду, которое, в свою очередь, могло принимать семиотизированные формы, разумеется, не столь сложные и яркие, как трудовые ритуалы, имевшие официальную санкцию. Сюда можно отнестииронические поговорки, представлявшие семиотическую контрпозицию.

Наряду с обрядами, направленными на сакрализацию того, что семиотически маркировалось как трудовой подвиг, возникла практика семиотического шельмования тунеядцев, пьяниц и вообще нарушителей трудовой дисциплины. Эти практики не привели к формированию специальной ритуалосферы, хотя они носили ритуализированный характер: портреты нарушителей, часто в форме карикатуры, помещались на «доски позора». В 30-е гг. XX века для подобных целей использовалась практика «награждения» отстающих коллективов «орденом верблюда» (как символ наплевательского отношения к трудовой дисциплине). Плохо работающие почтовые отделения награждались шутовским «орденом черепахи». Присвоение подобных позорящих антинаград должно было стать одним из мотивов исправления нарушителей. Коллективное шельмование нарушителей трудовой дисциплины на различных собраниях тоже носило во многом ритуализированный характер, причем ритуалогемы были четко определены: гневная критика товарищей, ритуальное покаяние и его кульминация – обещание исправиться. Иногда в завершение этого ритуализированного действия звучали напутственные слова пожилого, уважаемого работника, часто передовика, ветерана труда, который призывал шельмуемого оправдать доверие, которое коллектив в надежде на исправление оказывает «авансом». Аналогичную функцию выполняли стенгазеты, боевые листки, в которых высмеивались тунеядцы, бездельники, пьяницы и прогульщики. Раскаяние могло быть принято с позволением продолжить работу, но часто с повышенным вниманием к тому, как дисциплинарные требования будут исполняться в дальнейшем. Более серьезные меры вроде увольнения (изгнания из коллектива, порой с записями в трудовой книжке, усложняющими устройство в других местах) функционально близки практикам религиозных отлучений и интердиктов, изгнания из общины. В докладе на XIV съезде ВЛКСМ прозвучало: «Среди советских людей тунеядцы составляют ничтожное меньшинство, но вред они приносят огромный. Нахлебники и дармоеды, ничто не создавая, пользуются плодами труда советского народа. Они дезертируют из армии и труда и как ядовитые бациллы отравляют душу некоторой неустойчивой части нашей молодежи». Ха-

рактерны заголовки статей того времени в главной комсомольской газете: «Работать должны все», «В труде мужает, закаляется человек», «В труде растет человек», «Вырвать корни тунеядства!» и др. Еще более красноречивы плакаты того времени: «Добросовестный труд на благо общества: кто не работает, тот не ест», «Пусть горит земля под ногами тунеядцев!», «Не будь таким! День прогулял... Урожай потерял» [1, с. 113–114]. Карикатуры на «трутней» – разновидность ритуальной иконики, изоморфной изображениям греха и грешников, а также навлекаемых ими на себя кар. Формирование специального провербиального фонда, разделенного на положительную и отрицательную части, – яркий пример использования семиотических средств в создании аксиологии труда.Интересно, что популярным был даже библеизм – измененная цитата ап. Павла, хоть и лишенный указания на источник.

Поскольку новые трудовые ритуалы заменяли собой более старые, сакрализирующие труд, то совершенно естественно появление и новых святынь. Например, такой святыней стал хлеб, вокруг которого возникли требования его почитания и табу на пренебрежительное отношение. Такая семантизация хлеба происходила особенно легко, если иметь в виду существовавшее и прежде бытовое почтительное отношение к хлебу, связанному с трудовыми затратами и поддержанием жизни. В результате не оставлять несъеденные куски хлеба как в частном быту, так и в столовых требовали последовательные атеисты.Тем не менее подобные запреты в меньшей степени относились к другим продуктам при в целом неодобрительном отношении к выбрасыванию объедков. Для увещания детей, которые по каким-то причинам не могли доесть предложенную пищу, часто вспоминали о голодающих детях в Африке, что должно было вызвать раскаяние и стыд.

Социальному пространству труда в новом прогрессивном социуме стало соответствовать ритуально-символическое пространство. Его элементами выступают трудовые коллективы, передовики и активисты (а также организованные ими сообщества: от бригад до целых массовых движений), почитание передовиков и ветеранов в формате и обыденной каждодневной вежливости, и особой роли в праздничных ритуалах, ритуалах награждения, когда, например, ударникам могла делегироваться функция вручения наград; сюда же можно отнести почетное именование в честь ударников труда (ритуал наречения имени), использование их портретов (иконика, включая и очень распространенные Доски почета, вплоть до районных и городских, и мемориальные доски), распространение биографий (секулярная агиография). Биографические материалы могли использоваться как образцы для подражания. Роль контролеров совершения ритуала могли выполнять и представители производственной администрации, профсоюзных и партийных органов. Соответствующий дискурс формируется также эпическими жанрами, влитературеи кинема-

тографе появляются целые эпопеи, посвященные хронологии жизни нескольких поколений трудовых семей. Погребение ветеранов обычно было особенно торжественным, нередко на почетных участках кладбищ.

В пространстве гражданской религии возникали табу на профанирующие действия, способные транслировать антиценности как противопоставленные аксиологическому кодексу сознательного труда. Сюда относились уже упомянутые нарушения дисциплины труда, разного рода уклонения от труда, воровство на производстве, воздержание от труда из-за религиозных причин, прежде всего праздников (на селе это были и местные престольные праздники), отказ от привития «ортодоксальных» взглядов на труд и соответствующих мотивов молодежи, начиная с собственных детей, проявления безответственности в виде, например, пропуска субботника.

Вполне религиозный характер носит внедрение установок на то, что труд в итоге является самоцелью и счастьем для работающего субъекта, хотя для общества и государства экономическое осмысление труда выдвигалось на первый план.Не случайно появление лозунга «Труд облагораживает», широкое внедрение концепции творческой сущности труда и перерастания труда в красоту, вошедшей в дисциплинарный канон курсов эстетики. Эсхатологическое по сути своей обещание исчезновения денег по мере построения коммунистического общества также подчеркивает факультативность денежного вознаграждения. Дискурс самоценного труда реализовывался и благодаря трудовым акциям без оплаты или при декларировании ведущей роли трудового энтузиазма и героизма, а не оплаты.Сюда же относятся случаи поощрения морального как более совершенного и «очищенного» по отношению к денежному, материальному.В настоящее время опыт организации труда советской эпохи осмысляется заново, в том числе и ее ритуальный компонент, включая и разного рода «малые ритуалы», привычные действия, вносящие лепту в построение трудового процесса [4]. Часто они сближаются с областью психологии труда(ср.: [5; 10]).

Проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что семиосфера советской семейно-трудовой обрядности носила сложно стратифицированный характер, что приближает ее к явлениям ламинарной культуры. При этом, несмотря на постулированный материализм советской идеологии, отношение к труду в целом носило наивно-идеалистический характер, поскольку предполагало, что советский человек готов к ответственной трудовой деятельности в силу преимущественно духовных потребностей; принцип приоритетности духовного над материальным совмещался с идеологическими установками материализма в рамках его диалектической интерпретации.

Список литературы

1. Александрова И.Н. Молодежная политика советского государства и эволюция ценностных ориентаций юношей и девушек во второй половине 1950-х – первой половине 1960-х гг. Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Тамбов, 2016. 246 с.
2. Биар М., Линтон М. Террор: Демоны Французской революции М.: Ко-Либри, Азбука-Аттикус, 2025. 384 с.
3. Борисенко В.К., Курочкин А.В. Культура свадебного застолья. Традиции. Обряды. Современность. К.: Изд-во политической литературы Украины, 1983. 180 с.
4. Емельянцева М. Утро начинается не с кофе? Раскрыты наиболее популярные ритуалы россиян перед работой // [Электронный ресурс]. URL: https://www.mentoday.ru/life/news/05-08-2024/utro-nachinaetsya-ne-s-kofe-raskryty-samye-populyarnye-ritualy-rossiyan-pered-rabotoi/ (дата обращения 02.02.2026).
5. Мутовина Е. Тайм-менеджмент: незаметные обряды трудового дня // [Электронный ресурс]. URL: https://www.pravmir.ru/tajm-menedzhment-dlya pravoslavnyx/?utm_source=yandex.ru&utm_medium=organic&utm_campaign=yandex.ru&utm_referrer=yandex.ru. (датаобращения 02.02.2026).
6. Нагирняк Е., Петрова В., Раузен М. Новые обряды и праздники. М.: Советская Россия, 1965. 232 с.
7. ОзуфМ. Революционный праздник 1789–1799. М.: Языки славянской культуры, 2003. 416 с.
8. Слесарь Е. Советский праздник: театрализация мифа М.: МузейГараж, 2024. 260 с.
9. Суханов И.В. Обычаи, традиции и преемственность поколений. М.:Изд-во политической литературы, 1976. 216 с.
10. Шустикова А. Не просто тимбилдинг: как корпоративные ритуалы создают команду мечты // [Электронный ресурс]. URL: https://alter.ru/business-blog/korporativnye-ritualy/ (дата обращения 02.02.2026).
11. Руднев В.А. Советские праздники, обряды, ритуалы. Л.: Лениздат, 1979. 208 с.

Semiotics of soviet family-labor rituality[1]

V.Y.Lebedev*, A.M.Prilutskij**

*Tver State Univerity, Tver
**Herzen State Pedagogical University of Russia, St. Petersburg

[1]The research was supported by an internal grant of the Herzen State Pedagogical University of Russia (project No. 85VG)

This article explores Soviet labor rituals, a system of symbols and rituals aimed at fostering a positive attitude toward labor in society. The authors examine the formation of Soviet labor rituals, considering their ideological orientation and the use of labor rituals in addressing the economic development of the Soviet Union. Various types of labor rituals are described, such as initiation ceremonies, festive events, professional holidays, and honoring veterans. Particular attention is paid to the Soviet ritualization of labor, which was intended to strengthen the social solidarity of workers and contribute to increased production efficiency. Specific aspects of labor rituals are analyzed, such as the semiotic vilification of violators of labor discipline, parasites, and others. The study is conducted within the framework of a semiotic-hermeneutic approach to the study of ritualized culture.

Keywords: *semiotics of ritual, semiotics of holiday, labor activity, Soviet ideology, labor rituals*

Об авторе:

ЛЕБЕДЕВ Владимир Юрьевич – доктор философских наук, профессор кафедры теологии Института педагогического образования ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет». 170000, Тверь, ул. Желябова, 33. Semion.religare@yandex.ru.

ПРИЛУЦКИЙ Александр Михайлович – доктор философских наук, профессор,профессор кафедры социологии и религиоведения, ФГБОУ ВО «Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена», 191186, С.-Петербург, ул. Казанская, 6 Alpril@mail.ru

Author information:

LEBEDEV Vladimir Yurievich – Ph.D., docent, Professor, Professor Department of theology, Institute of pedagogical education and social technologies, Tver state University, semion.religare@yandex.ru

PRILUTSKII Alexander Mikhailovich – Ph.D., Professor, Professor Department of sociology and religious studies, Herzen State Pedagogical University of Russia, alpril@mail.ru

Дата поступления рукописи в редакцию: 17.06.2026.
Дата принятия рукописи в печать: 22.06.2026.